

романтизм и реализм, если их только признают в качестве таковых, всегда «настоящие».

Термин «барокко» хотя и не обозначает метода, а только стиль, вышел, как уже было сказано, в XIX в. за пределы истории архитектуры и «архитектурной скульптуры» и стал применяться к музыке XVII в., затем к прикладным искусствам, к живописи и, наконец, к литературе, а за последние десятилетия стал вводиться для определения стиля науки, философии, богословия; введено даже понятие «человек барокко».

Вслед за барокко такую же экспансионистскую тенденцию обнаружили термины «готика» и «романский стиль» (последний имеет несколько терминологических обозначений). Уже говорят о готической литературе, относя сюда, впрочем, произведения, которые возникли века за три до появления готики в зодчестве («Песнь о Роланде»).

Если все же сопоставить все великие стили (или «стили эпохи») между собой, то мы легко заметим, что властный охват тем или иным великим стилем культурных явлений эпохи постепенно убывает по мере приближения к нашему времени.

Наибольшей стилеформирующей силой обладает народное искусство. Цельность, насыщенность стилеформирующими элементами и активное распространение «народного стиля» на все стороны крестьянской жизни всегда поражали и поражают наблюдателей народного искусства в не меньшей степени, чем его традиционность и совершенное отсутствие произведений пошлых или безвкусных. Последние два качества народного искусства (его традиционность при отсутствии безвкусицы — невыдержанности стиля) особенно удивительны в их совокупности, так как традиционность легко могла бы соединиться с появлением шаблонных произведений, трафарета и штампа, всегда близких пошлости и недостатку вкуса.

Именно эти, перечисленные мною выше черты сближают народное искусство различных стран. Мы найдем их в искусстве русском, мексиканском, негритянском, эскимосском и т. д. И именно эти черты в разное время и в разных странах питали собой романтическое увлечение народным искусством, романтическую его идеализацию.

В 1921 году мне довелось совершить путешествие на Север России, в Карелию, на Кольский полуостров, по Северной Двине. Меня поразили не одни деревянные церкви и великолепные избы, но весь уклад жизни, цельность и красота этого уклада: красота народных празднеств, убранства крестьянских поместий — богатых и бедных, крестьянских одежд — праздничных и будничных, красота утвари и орудий труда, петоропливой и образной речи. Песни и расписные сани, кружева и питые полотенца могли быть менее красивы или более красивы, менее искусно сделаны или более искусно, но нигде нельзя было встретить предметов и произведений антихудожественных, ска-